

ИНЖЕНЕР

ЧАСТЬ 5. ФЕНИКС

Евгений Южин

16+

Инженер

Евгений Южин

Инженер. Часть 5. Феникс

«Автор»

2021

Южин Е.

Инженер. Часть 5. Феникс / Е. Южин — «Автор»,
2021 — (Инженер)

Вторая попытка — мечта неудачников. Кто из нас не задумывался о шансе всё исправить, переиграть всё заново? Однако те, кому повезло, молчат! Быть может потому, что в жизни — любая попытка уникальна, и то, что некоторые считают шансом изменить судьбу, — всего лишь продолжение старой дороги.

© Южин Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть 5. Феникс	5
1	5
2	12
3	18
4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Евгений Южин

Инженер. Часть 5. Феникс

Часть 5. Феникс

1

Что-то происходило. Несмотря на то, что занятия никто не отменял, несколько лекций были сорваны неявкой преподавателей. Молодые практикантки, заменившие маститых профессоров, ничего вразумительного сказать не могли. Преподаватель общей анатомии, мрачная не улыбкающая скелле, явившаяся, к удивлению студенток, на практические занятия, отмахнулась от вопросов – мол, не ваше дело. Куратор группы исчезла и не появлялась уже пятый день. Ходили самые дикие и нелепые слухи. Болтали, что его величество при смерти, пока он лично не объявился на очередном дворцовом приеме. Судачили, что будет война, но не могли договориться, с кем и почему. Те, кто поумнее, предполагали, что исчезновение высшего преподавательского состава как-то связано с закрытием главной обители Ордена в Арракисе и срочным отъездом в неизвестном направлении Старшей сестры. Еще более запутывало ситуацию то, что сам город жил как ни в чем не бывало, и непонятное напряжение, витавшее в университете, не выходило за пределы узкого мирка высших скелле.

Фар и Онора недавно перешли на выпускной курс и, наконец-то, лишились опеки личных наставников. Теперь девушки были почти настоящими скелле и им позволялось то, о чем не могли и мечтать младшие сестры. Последние были уверены, что уж кто-кто, а отпрыски настоящих аристократических семейств, пусть и не из древних, к тому же без пяти минут представительницы настоящей касты избранных, должны быть в курсе непонятных событий. Они постоянно атаковали подруг то прямыми и неуклюжими требованиями, то тончайшими дипломатическими маневрами, в конечном счете сводившимися к одному – выведать, что происходит. В немалой степени этому способствовало то, что Фар, распознав очередного разведчика, неизменно принимала отрешенный и загадочный вид, отвечала как будто заученно и неохотно, что только убеждало того в их информированности. На самом деле они знали не больше, чем остальные. Даже те из них, кто были сестрами во всех смыслах – не только скелле, давшими присягу Ордену, но и послушницами обители – терялись в догадках. Единственное, что было достоверно известно девушкам: Старшая сестра и большая часть руководства Ордена покинули Арракис.

Несмотря на свой высокий статус, подруги по-прежнему не могли свободно оставлять территорию интерната, где проживали все студенты независимо от их происхождения. Во многом дружбе способствовал тот факт, что в небольшой комнате, жавшейся к угловой башне интернатской галереи, они провели вместе долгие пять лет с тех пор, как была определена их судьба и их сочли достойными того, чтобы продолжить обучение. Хочешь не хочешь, но ты обречен стать близким человеку, с которым разделяешь жилье и общее занятие долгие годы. Если бы не их дар, то вряд ли Фар – отпрыск благородного семейства с давним аристократическим прошлым, что было сразу же видно по длине ее имени, – подружилась бы с Онорой, которая, хотя и принадлежала к аристократии, но статусом пожиже – ее семья относилась к тому вечно кипящему слою низших аристократов, который постоянно пополнялся новыми членами или терял старых в зависимости от удачливости, а по большей части финансового положения семейных предприятий. Дар, доставшийся им по рождению, должен был навсегда уравнивать их, определив их принадлежность к высшей закрытой касте общества Мау, но, как это чаще всего

и бывает в жизни, даже если ты скелле, это скорее повод укрепить положение твоей семьи, чем безвозвратная потеря для нее. Пожалуй, лишь истинные сестры, давшие обет, обретали новую семью – Орден. Хотя надо признать, мало кто из них принадлежал от рождения к благородному обществу, несмотря на то, что чаще всего это были сильные и талантливые скелле.

По старинному правилу, все студентки после заката солнца обязаны были находиться на территории интерната. Теплые длинные вечера и ночи Арракиса способствовали тому, что с наступлением темноты все шесть дворов закрытой для посторонних территории превращались в вечно бурлящий жизнью женский клуб. Несмотря на все усилия кураторов, остановить или хотя бы упорядочить это движение еще никому не удавалось. От этого страдали не только пожилые тетки, служившие надзирателями над этой стихией, полной молодости и нерастратченной энергии, но и сами студентки, возжелай кто-нибудь из них отгородиться от докучливого внимания коллектива. Аристократическое происхождение давало подругам минимальную защиту, сводящуюся по большому счету к видимому соблюдению правил этикета: вломиться в их комнату без разрешения обитателей было бы оскорблением. Однако общее напряжение, царившее последнее время в университете, разогревало стихию этого замкнутого мирка, грозя прорвать последние условные преграды, защищавшие подруг. Все это привело к тому, что девушки буквально наслаждались дарованной новым статусом выпускниц привилегией посещать крыши угловых башенок, откуда открывался обзор манящего переливающимися огоньками города.

Ночь была темная. Облака, набежавшие с океана, закрыли звездное небо. Город уже утих – не гуляли подвыпившие компании, не переливался бегущими огнями хорошо видимый сверху речной порт. Лишь городская стража, легко определяемая по характерному свету магических светильников, вычерчивала замысловатые маршруты на потемневших проходах между домами. Три широких кривоватых аллеи, почти настоящие улицы – редкость для Мау – вели от порта сквозь живую темную ткань столицы куда-то прочь, во тьму. Ровным рядом бусин на черном бархате обозначал себя единственный здесь мост через великую реку, отвечавшую ему цепочкой дрожащих отсветов. Да еще по одной из аллей медленно полз запоздавший караван повозок. Все. Темно и тихо. Больше шума доносилось со двора интерната, чем с простора огромного города, – какие-то возгласы, обрывки разговоров, стуки дверей.

Девушки молча стояли в темноте, наслаждаясь этой тишиной, когда внизу скрипнула дверь, ведущая наверх. Интересно, кто бы это мог быть?

Нежданная гостья не торопясь поднялась по узкому проходу и повисла светлым, перехваченным по талии полосой тьмы силуэтом над чернотой крыши, помедлила пару мгновений – девушек коснулось движение искусства сильной скелле, и они узнали ее. Куратор!

– Вас нетрудно найти, – вместо приветствия объявила гостья.

– Добрый вечер, – синхронно поклонились подруги, ощущая некоторое возбуждение. Куратор никогда не приходила просто так – раз она появилась, да еще и в такое время, значит, у нее есть веские причины. И причины эти, скорее всего, так или иначе связаны с неразберихой, царящей последнее время.

– Добрый, – согласился силуэт и не спеша приблизился к парапету, всматриваясь в далекую цепь огней на мосту.

Девушки замерли. Несколько дней они тщетно пытались отыскать эту скелле. Они были переполнены вопросами, но именно сейчас понимали, что время для них не пришло. Если они понадобились, то куратор сама все расскажет.

Впрочем, их ожидания оправдались лишь отчасти. Благородная Орост, как звали скелле, повернулась к подругам.

– Занятия на завтра для вас двоих отменяются. По распоряжению Ордена из всех групп выпускников выделяются по паре самых сильных студенток. Завтра вы будете сопровождать меня в городе и делать то, что вам велят.

– И что нам велят? – машинально спросила Фар.

– После завтрака отправляйтесь в порт на набережную и ждите меня там около главной лестницы.

На несколько мгновений повисла пауза, которую с непонятным вздохом разорвала сама Орост:

– Вопросы?

– Куратор, что происходит? – вмешалась Онора, забыв об этикете.

Орост отвернулась, разглядывая темноту, поводила рукой по парапету, как будто смахивая с него невидимую пыль.

– Не знаю. – Немного помолчала и добавила: – Завтра кто-то важный для сестер прибывает в город. Кто – так и не удалось выяснить. Нас используют как усиление. Мы должны будем следить за порядком и пресекать.

– Чего пресекать? – почти хором вырвалось у девушек.

– Чего скажут, то и будем! – с какой-то злостью ответила скелле. – Я сама толком не знаю. Скажу вам так: без меня вообще ничего не делайте. Даже если какая-нибудь скелле велит вам – не делайте. За вас я отвечаю, а не эти сбрендившие сестры!

Было ясно, что говорит она сейчас о монашках. Давнее недовольство и даже иногда противостояние, которое существовало между теми и обычными скелле, прорвалось наружу, но Орост не стала себя одергивать – видимо, источником всего непонятного был именно монашеский, который категорически не желал посвящать в суть происходящего обычных членов Ордена, одновременно безжалостно руша во имя неясных целей привычный уклад жизни последних.

Повисшая после слов куратора тишина была вновь прервана Онорой:

– Но что-то же они объясняют? Не просто же так говорят: идите, мол, гулять по набережной.

– Все, девочки. Отправляйтесь спать. Завтра все узнаем. Повторюсь только еще раз: ни во что не лезьте без меня!

– Да во что лезть?! Мы что, городскую стражу подменять должны?

Куратор дернула головой – должно быть, поморщилась, но в темноте этого не было видно.

– Причем тут стража – люди не наше дело. Что они вам? Главное – никого из благородных не зацепить, а так хоть всех там положите, чтобы не мешались.

– Так серьезно? – вырвалось у Фар, почему-то ощутившей подзабытый уже страх.

– Не знаю. Надеюсь, что нет. Но сестры, которые знают, что происходит, боятся до ужаса. Но не говорят. Мы для них как прислуга! – вновь со сдерживаемой злобой из Орост вырвалось что-то внутреннее.

Она повернула голову на притихших подруг, те вновь ощутили шевеление искусства рядом, и добавила:

– Никому не слова! Тем более о нашем разговоре. Спросят, отвечайте: приказ Ордена. Точка.

– Куратор! – вырвалось из Фар, когда Орост быстрым шагом направилась к лестнице.

Но та не остановилась и не ответила, лишь махнула рукой – завтра.

Ночь прошла беспокойно. Сначала пришлось отбиваться от студентов, каким-то образом пронюхавших о визите, затем долго и мучительно бессмысленно обсуждать странный приказ Ордена, пытаться заснуть, таращась в темноту и слушая беспокойную возню соседки в своей кровати. Завершилось это раздражающим стуком в дверь, вырвавшим из объятий только под утро пришедшего неглубокого сна. Наскоро позавтракав, подруги выскочили за ворота интерната, едва только хмурая и вечно недовольная чем-то тетка открыла их.

Уже рассвело. Девушки шли знакомой дорогой между отдельными зданиями, большими поместьями, напоминающими крепости, и срастающимися в общую труднопроходимую массу

мелкими домишками портовых рабочих. Несмотря на все усилия властей, они прорастали тут и там в районах города, тянувшихся вдоль реки, как деревья туа, выпускавшие свои многочисленные отростки везде, где по каким-то причинам погиб населявший опустевшее место благородный лес, и образующие компактные и совершенно непроходимые заросли. Если бы не нервное предвкушение, они чувствовали себя по-настоящему празднично. У них был абсолютно законный повод прогулять надоевшие занятия, и не просто так, но и, возможно, поучаствовать в самой гуще таинственных событий, назревавших в Арракисе.

Река распахнулась простором и прохладой, луч поднявшегося над далекими горами светила погладил пока еще ласковым теплом лица. Далекий правый берег прятался в утреннем тумане, но многочисленные лодки и баржи уже расползались по водной дороге по своим делам. Набережная шевелилась массой народа, стремящегося главным образом в одном направлении – к порту. В отличие от предыдущего дня наступающий обещал быть ясным и жарким. Формально девушки еще не стали настоящими скелле, но встречные уже чувствовали их природу и, несмотря на обязательную для университета униформу – ненавидимые всеми студентками длинные темные накидки поверх платья, аккуратно огибали, кося взглядами, высокомерную парочку молодых волшебниц, целеустремленно шагающую вместе с толпой.

Куратор нашла там, где и договаривались – недалеко от центральной лестницы, широкой каменной полосой очерчивающей берег напротив самых почетных причалов. Суетливый, кипящий жизнью порт раскинулся еще дальше – там темнела сплошная масса водоплавающих посудин, зримо демонстрирующая ток жизни большого города. У протянувшихся ровной щеткой плавающих причалов напротив главной лестницы стояли лишь несколько сонных яхт да разгружался пассажирский паром, обслуживавший несколько больших островов на реке, которым не посчастливилось оказаться в стороне от моста. Девушки поздоровались с Орост. Еще довольно молодая скелле явно нервничала и едва ответила на их приветствие, постоянно осматриваясь. На широкой полосе набережной ничего особенного заметно не было. Разве что вдаль виднелась парочка таких же, как и они, знакомых студенток с другого факультета в сопровождении своего куратора. Пока девушки обсуждали, каким образом те умудрились обогнать их, ведь Фар и Онора покидали интернат первыми, едва только распахнулась неширокая калитка, ведущая наружу, как рядом словно из воздуха появился молодой паренек, ловко выскочивший откуда-то из городских глубин. Протянув куратору крохотную трубочку записки, он не говоря ни слова рванул, маневрируя среди негустого потока пассажиров парома, по направлению к знакомой троице.

Орост молча прочла записку, что-то прошипела недовольно и обернулась к подругам.

– Остаетесь здесь. Ждете меня. Ни во что не вмешиваетесь, ничего не предпринимаете, кто бы вас об этом ни просил. Ясно?

– Ясно, – кивнула Онора.

– А зачем нам тогда здесь стоять? – с невинным видом поинтересовалась Фар.

– Чтобы не потерялись, – ледяным тоном ответила куратор и, ничего больше не говоря, зашагала к ближайшему проходу между парочкой богатых купеческих усадеб, высокие крыши которых украшали пестрые цветные коньки, вторящие тех же цветов флагом, развешанным по углам зданий.

– Чего делать будем? – спросила Онора Фар, рассматривающую таких же студенток в отдалении, куратор которых, в отличие от Орост, никуда не ушла, а стояла у ближайшего парапета, что-то высматривая на реке.

– Не знаю, – рассеянно ответила та, в свою очередь всматриваясь в изгиб реки, уходящей в многочисленные рукава начинающейся ниже дельты, протянувшейся до недалекого океана.

– Ух ты! Я знаю эту яхту! – воскликнула Онора, заметив появившийся оттуда длинный хищный силуэт, увенчанный неожиданно светлой, почти белой надстройкой.

– Еще бы, – согласилась Фар. – Уры.

Сказала и почувствовала легкое недовольство. Несмотря на то, что ее семья принадлежала к тем, кто участвовал в выборах монарха, то есть фактически могла бы и сама претендовать на то, чтобы ее представитель был избран, Фар всегда точно знала, что им никогда не преодолеть этот призрачный рубеж. Причиной тому была кровь. Формально равная в правах аристократия, тем не менее отчетливо делилась на белых и черных. Черными называли немногочисленных потомков древних владык Мау, сохранивших темный цвет кожи первых переселенцев с таинственной прародины. Распределение ролей между ними отчетливо иллюстрировала непреходящая мода на глубокий загар среди основной части так называемой белой аристократии.

Яхта стремительно приближалась, не обращая внимания на многочисленную мелочь, торопливо убегавшую с ее курса. Внизу раздались крики – паром, до того неспешно грузившийся на своем законном причале, отдавал концы. Не успевшие запрыгнуть пассажиры бежали вприпрыжку по лестнице, им кричали, поторапливая, матросы причальной команды.

– Чего это они засуетились? – спросила, не ожидая ответа, Онора.

– Может, все из-за них? – с сомнением проговорила Фар, разглядывая красивое судно, ходно поднимавшееся против течения.

То прошло выше, и на мгновение подумалось, что яхта Уров шла не в Арракис, но нет – резко развернувшись, она словно зависла на минуту на месте, сверкая белой надстройкой в лучах низкого солнца, и уже медленно и не спеша двинулась прямо к девушкам, точнее, причалам, раскинувшимся у их ног.

– Фар! – дернула подругу за рукав Онора. – Нам кричат.

Та повернулась. Парочка таких же, как и они, студенток, уходила с набережной. Сопровождавшая их немолодая скелле что-то выкрикнула и махнула рукой, явно призывая их присоединиться. Девушки, не сговариваясь, подняли руки в ответ, но и не подумали подчиниться. Приказ их собственного куратора был однозначен – оставаться на месте и не выполнять ничьих распоряжений. Суровые годы тренировок и ежечасной дрессуры вбили в них безусловное подчинение командам старших. Поэтому подруги и не думали двигаться с места.

Было заметно, что еще несколько групп молодых женщин, как правило, по трое, оставляли набережную. Значит, они сюда пришли не одни. Уходящих было отчетливо видно, так как людская толпа не соприкасалась с ними, неосознанно стараясь держать дистанцию до опасных скелле. Все это движение началось, как только стало ясно, что яхта Уров не минует Арракис. Неужели весь сыр-бор из-за этого? Что такого в этих Урах?

Девушки переговаривались, рассматривая приближающееся судно. Стали заметны люди на палубе и на мостике. Большей частью – команда, но высокая фигура, застывшая на носу, могла принадлежать только одному человеку – главе семьи Ур, старому Саму.

Подруги не испытывали никакого беспокойства – ласковое утро, отсутствие присмотра, осознание правоты своих действий, точнее, бездействия, и потенциально любопытное зрелище, что еще надо? Это как сходить в кино, пока твои товарищи протирают юбки на скучных лекциях, и все это на совершенно законных основаниях!

Причальная команда внизу торопливо перебежала на соседний пирс, приготовившись встречать флагманское судно одной из древнейших аристократических семей Мау. Возможно, матросы что-то знали, так как они, вопреки обыкновению, вели себя почти торжественно, замерев у причальных тумб в ожидании швартовки.

Фар недоумевала. Семья Ур исчезла из поля зрения столичного общества около восьми двадцаток назад. До Фар доходили какие-то невнятные слухи о дочери Сама, о ее исчезновении и внезапном возвращении через много лет. О распутном образе жизни, который та вела, даже позволив себе завести для развлечений личного муна – волосатого, как животное, представителя далекого горного племени. Сестры пресекали такого рода сплетни, и Фар не придавала им большого значения, тем более что такие истории были далеко не в новинку. Особенно,

если дело касалось по-настоящему красивых женщин. А Ана – так звали дочь Сама – была предметом зависти многих. Фар никогда ее раньше не видела и надеялась, что она окажется на яхте. Тогда, перед исчезновением, об Урах шептались, но Фар относилась к политике, которой интересовалась мало, и, кажется, напрасно.

Яхта скучно и обыденно ошвартовалась. Сбросили сходни. Старый Сам, не покидавший своего места до тех пор, пока вся суэта не закончилась, скрылся в надстройке. Было заметно, что аристократ поседел, его волосы приобрели какой-то серый, стальной оттенок, резко контрастировавший с темной кожей.

«Никакие они не черные, – подумала внезапно про себя Фар, – так, темная оливка в лучшем случае». Когда впервые за всю свою жизнь с девяти лет, с тех пор как ее забрали скелле, она отдыхала у родителей год назад, то загорела, пожалуй, даже темнее.

Мгновение спустя на палубе появился Сам в сопровождении целой процессии. Десяток личных телохранителей или охранников сбежали на пирс и прогнали с него зевак и причальную команду. Следом за ними на очищенное пространство спустился глава семейства. За ним, без сомнений, шла она – Ана. Фар, забыв про этикет, во все глаза уставилась на незнакомку, разглядывая ее.

«Пожалуй, недоброжелатели были правы – если бы рядом со мной ходила эдакая скелле, я бы тоже не вытерпела», – подумала Фар.

От стройной темнокожей красавицы с высоким непослушным узлом волос на прекрасной голове исходили волны опасности и недоступности. Фар знала, что та очень сильная и талантливая скелле, но, увидев ее вживую, буквально ощутила это. Касание сильного мага почувствовала и Онора – они вместе вздрогнули, когда темные глаза Аны впились в их лица. Впервые стало не по себе – это был взгляд человека, готового убить в любое мгновение. Точнее, даже не так – это был взгляд скелле, приготовившейся убить. Минуту они стояли ни живы, ни мертвы – противостоять опытному мастеру им было не под силу.

Ана внезапно холодно улыбнулась, ее взгляд оставил забытых на берегу студенток, и девушки выдохнули. Сами того не замечая, они не дышали все это время.

«Зачем вообще охрана при такой дочери, – подумалось Фар. – Она же способна зачистить эту лестницу от всего живого одним движением мысли».

Сошедшие на берег было двинулись вперед и вновь остановились. Разглядывая скелле, девушки поначалу не обратили внимания на идущую следом за Аной женщину с ребенком на руках. Но та сама обозначила ее важность, дождавшись замешкавшуюся служанку. Стало ясно, что последняя, вероятно, кормилица и ребенок на ее руках – ребенок Аны.

У нее есть ребенок?! От кого?! Фар была в курсе, что после возвращения пропавшей гулены ее бывший муж расстался с ней. Это как раз было понятно. Удивительно, как он вообще терпел столько лет ее отлучки. Но когда она притащила с собой свою волосатую игрушку, если это, конечно, было правдой, то тут ее, очевидно, спас только статус и личное искусство скелле. Фар не знала подробностей, но предполагала, что семье Ур, должно быть, недешево стоил этот скандальный развод. Вот так интрига! Фар была уверена, что все столичное общество озабочится в ближайшее время одним вопросом: чей это ребенок? Уж не волосатого ли муна?!

Процессия вновь остановилась. Сам и Ана, обернувшись, ждали кого-то, охрана, выстроившись на берегу, напряженно следила за зеваками, кормилица поправляла что-то в шевелящемся свертке на руках. Вдоль борта яхты проскользнула высокая фигура. Молодой, абсолютно лысый мужчина со странными чертами лица и, кажется, даже без бровей на нем, улыбаясь, легко сбежал по сходням и беззаботно подошел к заметно расслабившейся скелле. «Ага, а вот и папаша», – подумала Фар и удивленно обернулась, когда стоящая рядом Онора, о которой она почти забыла, выдохнула:

– Это он!

– Кто? – задала Фар совершенно дурацкий вопрос.

– Мун!

– Какой еще мун? – уставилась на незнакомца Фар, отлично понимая, о ком говорит ее подруга. – Мун же волосатые, как козлы.

– Это он! – каким-то задушенным шепотом повторила Онора так, что стало понятно, она знает что-то, о чем до сих пор не поделилась с подругой.

Процессия вновь двинулась, устремляясь с пирса на широкую лестницу, где ее поджидала неизвестно откуда появившаяся городская стража. Цель последней, очевидно, была не в охране прибывших, а прямо напротив – в охране окружающих не в меру любопытных жителей от могучей скелле, чье недовольство могло наделать много бед.

Девушки остались на месте, провожая взглядами пришельцев. Фар уже поджала губу, намереваясь устроить немедленный допрос подруге, едва только та оторвется от созерцания беззаботно шагавшего лысого парня, вертевшего головой от любопытства. Было очевидно, что странный незнакомец никогда в жизни прежде не видел такого большого и красивого города. Его взгляд на мгновение задержался на Фар, он добродушно улыбнулся, всмотрелся в нее на секунду и внезапно нахмурился, а в нем мелькнуло что-то, что испугало Фар больше, чем очередное касание искусства скелле. Девушке показалось, что на мгновение вместо симпатичного, хотя и со странными, какими-то узкими чертами лица – они напомнили ей лица древних, хотя те были поголовно темнокожими, а этот был еще более бледный, чем сама Фар, – появился другой человек, сосредоточенный, суровый и полный такой же готовности убивать, как и сама Ана. Хотя нет – он готов драться, но не убивать. Не было в его внезапной настороженности отстраненности убийцы – только готовность сражаться. А еще в его взгляде было какое-то методичное, деловитое любопытство, как если бы он видел не только Фар, но и ее семью, ее судьбу, ее призвание. И сейчас оценивал девушку на непонятных, с неизвестными мерами, а потому пугающих весах. Ана что-то сказала ему, его взгляд метнулся и вновь стал таким же, как прежде, – любопытная деревенщина, восхищенная богатством и масштабами столицы Мау. Вот только теперь Фар знала определенно: он не то, что ей кажется. И, может быть, и его деревня, или откуда там Ана его вытащила, не то, что она себе вообразила.

2

Квартира, где мы жили, досталось жене от родителей. Это была старенькая панелька, видевшая если не последних мамонтов, то охотников на них – точно. Я проснулся с ощущением, что совершенно выспался, но продолжал валяться с закрытыми глазами, пытаюсь разобраться в какой-то нелогичности пробуждения. Завтра мне на работу – в этом я был совершенно уверен, но почему-то не мог вспомнить, как я лег спать и почему так рано проснулся. Тусклая лампочка настенного светильника горела – значит, супруга еще не ложилась. Когда же я успел выспаться?

Приоткрыв почему-то заслезившиеся глаза, я таращился какое-то время на ровный белый потолок, гадая, куда делась тонкая трещина на нем, так раздражавшая мою половину. В доме непривычно тихо. И даже не в доме – вообще было непривычно тихо. Москва тихонько гудела даже самой глубокой ночью, временами взрываясь лязгом цепей припоздавшего мусоровоза или ревом дырявого глушителя ночного джигита. Здесь же царила неестественная для громадного мегаполиса, битком набитого людьми и машинами, тишина. Лишь отчетливо хлопали по стеклам порывы несильного ветра, о котором забыло предупредить всезнающее МЧС.

Рывком вскочив, я завертел головой. Наша кровать стояла в дальнем углу комнаты, противоположную стену которой занимал выход на стандартную лоджию – универсальное утепление городского жилища, по совместительству склад для разнообразного малонужного хлама. И сейчас ветер хлопал и шипел отнюдь не там, где ему полагалось. Оглядевшись, я обнаружил, что нахожусь в небольшой квадратной комнате, наша кровать, как и полагается, стоит в углу, но вот только противоположную стену вместо выхода на балкон украшала солидная, по виду из темного дерева дверь, а окно, точнее, окна, окаймляли целый угол помещения за моей головой. На стене напротив кровати – лампочка. Неяркий шарик, похожий на светодиодный светильник, который купила супруга на распродаже в Икее, только на неожиданно изящном подвесе в виде красивой женской руки, блестящей бронзой.

Ничего не понимаю! Это не гостиница и не больница. Стены комнаты до самого высокого потолка отделаны светлыми и темными панелями из чего-то похожего на дерево, пол закрыт огромным красочным ковром, рядом со светильником у стены – некий предмет мебели, напоминающий гибрид стола и комода, слишком изящный и замороженный для отеля, который я мог бы себе позволить, и уж точно совершенно неуместный в больнице. Рядом – красивое легкое кресло с непривычной геометрией, но даже по виду удобное и прочное. Рамы окон, явно деревянные, набраны мелкими прямоугольными ячейками, что само по себе – наглый вызов зарвавшегося нувориша веку стеклопакетов, металла и пластика. Где бы я сейчас ни очутился, это было роскошное по моим меркам помещение. Пережив незадолго до этого капитальный ремонт квартиры, я отчетливо представлял, сколько могли стоить владельцу такие капризы. Да за одни только эти стены, если, конечно, это не последнее достижение химической промышленности, можно было бы отремонтировать всю нашу двушку!

Я вскочил на ноги. Голова закружилась, повело в сторону, я застыл на несколько мгновений, переживая странную слабость. Ноги отказывались держать и, борясь с внезапно навалившимся ознобом, я плюхнулся задом на широкую кровать. Что происходит? Так это что, все-таки больница? Да нет – чушь! Может, какой-нибудь навороченный санаторий? Да за какие такие заслуги?!

Я давно уже сделал свой выбор – работа с людьми, коммерция и вся остальная гуманитарщина вызывали смертную скуку и отвращение, несмотря на то, что именно там и ковались богатство и успех. Возясь с железками или просчитывая очередную модель, я погружался в тот мир, который признавал меня своим. Именно там я был по-настоящему счастлив и свободен. Однако и плату за это приходилось отдавать сполна – пока мой закадычный школьный това-

рищ достраивал трехэтажный особняк под Москвой, не утруждая себя высокой математикой при расчетах себестоимости колбасы, я жался с женой и ребенком в крохотной квартирке на окраине, откровенно считая, что нам сильно повезло. Моделирование сложных газодинамических процессов при покидании изделием контейнера никак не помогало справиться с внезапно возникшим первым сентября или отремонтировать не вовремя развалившуюся помпу на отходившем свое автомобиле. И хотя в последние годы дела немного поправились и нам даже удавалось понемногу откладывать, я ясно осознал, что мир больших денег безжалостно умчался прочь.

Интерьер комнаты, в которой я проснулся, был мне чужд. Мало того, что он, должно быть, стоил сумасшедших денег, так еще и был выдержан в каком-то нарочито историческом, незнакомом мне стиле. Чего стоили только эти деревянные, темного полированного дерева рамы. Или эта изящная женская рука, на ладони которой покоился шарик неяркой лампочки. Она была покрыта темной коричневой патиной, в натуральном происхождении которой я ничуть не сомневался, и оттого, казалось, принадлежала темнокожей женщине, прятавшейся за деревянной панелью.

Озноб перестал колотить, улеглась легкая тошнота, и я решился повторить попытку. Подняться удалось на удивление легко, и уже не обращая внимания ни на что иное, я устремился к окну. Снаружи было темно, я сам отражался в мелком остеклении неясным силуэтом. Заметно, что где-то за пределами моего поля зрения горели лампы. Их желтоватый свет лежал на длинном ряду чего-то, похожего на черепичное покрытие высокой стены или забора, бегущего ниже моих окон и терявшегося во тьме, но самих светильников видно не было. Больше ничего, никаких подробностей. Разве что несколько крупных звезд, кажется, висели за обманчивым отблеском стекла, намекая на ничем не стесненное пространство вокруг. Где бы это ни было, это не Москва!

Развернувшись, я осмотрелся еще раз. Смятая кровать, пустая комната. Поискав глазами выключатель или розетку, я с удивлением обнаружил полное отсутствие каких-либо электроприборов, кроме уже упомянутого светильника. Странно. Может быть, они не вписывались в замысел дизайнера и их спрятали. Я видел в сети ролики, где розетки вылезали из стола по желанию хозяев. И хотя по капризу богатого заказчика дизайнеры могли вообще отказаться от всех примет цивилизации, мне в это все же не верилось. Это было все равно как перерезать всякую связь с внешним миром, во что верилось с трудом.

Где мои вещи? И почему на мне такие странные трусы? Простая, крашенная в один цвет ткань и фасон напоминали мне армейскую молодость и никак не вписывались в роскошную и вместе с тем скудную обстановку, хотя я чувствовал, неуловимым образом с ней связаны.

Гибрид стола и комода был единственной целью, достойной немедленного обследования. Я уже немного пришел в себя и двигался достаточно уверенно. Еще раз оглянулся на окно за спиной – там ничего не изменилось, лишь слабый ветер лениво проверял остекление на прочность. Сквозило из дальнего угла комнаты, и, осознав это, я на мгновение растерялся. Окно за спиной, дверь – напротив, а дует каким-то ровным устойчивым потоком, хотя и слабым, еле заметным, из-под плинтуса, если не из-под пола, накрытого мягким, но тяжелым ковром. Отмахнувшись от очередной несуразности – их и так было более чем достаточно, я двинулся к комоду. По пути провел рукой по подвеске или подставке светильника – ровная гладкая поверхность прохладного металла, поблескивающая желтыми уголками изящная кисть. Я тронул шарик лампочки, и тот неожиданно качнулся. Он что, не закручен в патроне? Такая изящная, на грани искусства вещь, и болтающаяся на проводе лампочка? Ну, слава богу, я, по крайней мере, дома, в России! Взявшись за лампочку, попытался пристроить ее понадежней и опешил от неожиданности – никакого провода не было! Шарик оказался просто шариком, лежавшим на бронзовой ладони! Сейчас он, не обратив ни малейшего внимания на мое

бесцеремонное вмешательство, все так же мягко светил в моей руке, тень от которой заплесала по стенам комнаты пугающими темными полотнищами.

На батарейках, что ли? Шарик был холодный – какой бы источник света ни прятался внутри, но он должен быть весьма эффективен. Яркий свет не давал разглядеть подробности. На ощупь ничего похожего на выключатель не обнаружилось, как и какого-нибудь шва, который, по идее, должен был разделять лампочку на половинки. Сквозь удивление пробилось ощущение себя как бесцеремонного гостя, который за спиной отвернувшихся хозяев позволяет себе заглядывать в чужие шкафы, и я торопливо положил шарик на место. Тени одобрительно успокоились. На мгновение я застыл в нерешительности. До того мне не приходило в голову, что содержимое длинного комода сложной формы мне, очевидно, не принадлежало. Могу ли я рыться в нем? С другой стороны, а где мои вещи?

В большом ящике сверху обнаружился странный набор, на мой взгляд, мусора. Какая-то картонка, камешки, небольшая шкатулка, короткий жезл или рукоять от чего-то непонятного. Ничего, что я мог бы назвать своим. Не пытаюсь даже разглядеть содержимое, я аккуратно закрыл ящик. Интересно, но остальная часть весьма вместительного предмета мебели оказалась совершенно пуста.

Первое возбуждение медленно отступало, и организм напомнил о себе естественной надобностью. Почему-то я заглянул под кровать, но там было пусто. Во всей комнате ни воды, ни еды, ни удобств, лишь растерянный я в несурзных трусах. Очевидно, надо проверить дверь. За ней должны находиться люди, которые должны помочь и, главное, должны знать, как я сюда попал. Меня не смущала даже очевидно глубокая ночь, царившая за окнами.

Деревянная панель на стене слева от входа привлекла чем-то мое внимание. Я, уже догадываясь, что произойдет, надавил на нее и угадал – щелкнуло, и ровная темная доска выступила из общего строя стены, обозначив еще одну дверь. За ней прятался самый настоящий туалет, освещенный очередным шариком света, на этот раз лежавшим в неглубокой плошке, торчащей из стены немного выше моей головы. Растопырив руки в дверном проеме, я с удивлением рассматривал содержимое уборной. Светлые, почти белые стены, глубокая ниша справа, в которой поблескивало большое зеркало, раковина под ним, у дальней стены устройство, не вызывающее сомнений в своем назначении, однако совершенно мне не знакомое. Все детали, кроме стен, потолка и пола, – цвета темного дерева, да, похоже, они и вправду сделаны из него. Даже раковина под нишей. Пол немного отличается по виду от стен. Я наступил на него – по ощущениям такое же дерево, только очень светлое. В углу помещения обнаружилась ослепительно белая утка – тоже непривычного облика. Мне было ясно назначение каждого предмета, но совершенно точно я никогда в жизни ничем подобным не пользовался. Отсутствовали даже привычные мелкие детали, вроде сливного отверстия в раковине, вместо которого была ровная темная доска с неширокой щелью по краям, или кнопки унитаза. Последний, вообще, был странен – что-то вроде закрытого табурета с изящными закругленными формами, без малейшего намека на крышку, и с поблескивающей бронзой раковиной в нем. Едва я ступил на пол, как в мою спину толкнулся легкий поток воздуха – очевидно, заработала вентиляция. Однако ни шума от нее, ни каких-то видимых признаков ее присутствия я не обнаружил. Возможно, та узкая полоса по периметру потолка не просто декоративный элемент, а еще и вентиляционное отверстие. Терпеть, как это часто бывает, внезапно стало невозможно, и я шагнул вперед, намереваясь использовать главную достопримечательность этого музея диковинок. Фигура, метнувшаяся в зеркале, заставила вздрогнуть и замереть.

Это был я! Я узнал себя, несмотря на то, что никогда не брился налысо. Приблизив лицо, я не удержался от мата:

– «Гуляющая девка»! «Остолбенеть»! Что за «непонятное и неприятное явление»?!

Я был не просто лыс, у меня вообще отсутствовала всяческая растительность не только на голове, но и на теле. Лишь легкий пушок крохотных ресничек каким-то чудом уцелел на гла-

зах. В остальном я выглядел совсем неплохо – куда-то растворился привычный жирок, мускулатура, правда, тоже усохла, но жилистые длинные мышцы отлично вписывались в новый, как будто высушенный силуэт. Замерев над раковиной, я рассматривал себя, понимая, что мое вчера должно сильно отодвинуться. Такие изменения не происходят за несколько часов. Если бы это было возможно, моя половина души бы отдала за такой опыт. Интересно, решилась бы она на такое, если бы ценой за это были ее волосы? Я нахмурился – внезапно сообразил, что не помню, как ее зовут. Хуже того, почему-то меня это не взволновало. Еще хуже, я точно знал, что мне завтра на работу, но эмоции по этому поводу отсутствовали совершенно! Меня это почему-то не трогало!

За стеной в отдалении послышались человеческие голоса. Похоже, меня услышали. Я жаждал общения, я желал, чтобы мне немедленно объяснили, что произошло, но прямо в данный момент это был бы перебор. Мне надо прийти в себя. На двери туалета с обратной стороны обнаружилась бронзовая ручка – какая-то мания на бронзу, и я торопливо потянул за нее. Немного еще постояв у зеркала, уселся на удобный теплый табурет и замер. Собраться с мыслями мешала загадочность окружения. Как, например, спускать воду в этом чуде техники? Или я вот вижу кран над раковиной, но ничего, чтобы его открыть, нет – никаких тебе вентиля, рычажков или чего-то подобного. Не хотите же вы сказать, что он работает, как в общественной уборной – от сенсора? И где, чтоб ее, туалетная бумага?!

Во входную дверь аккуратно постучали. Я не знал, как поступить. Казалось глупым и неуместным кричать из туалета: входите, мол. И я промолчал. Через несколько мгновений, по-видимому, дверь открыли, потому что хорошо слышный близкий голос спросил что-то непонятное с отчетливыми вопросительными интонациями. Блин! Я за границей!

Не найдя ничего лучшего, я бросил:

– Подождите, пожалуйста.

Тем не менее меня, видимо, поняли – все затихло.

Наконец, я нашел деталь, не вполне вписывающуюся в логику интерьера – под правой рукой на табурете обнаружился небольшой шарик. Он никак не реагировал на мои попытки сдвинуть его как окончание спрятанного рычага, но, когда я наклонился, пытаюсь его рассмотреть, и нечаянно потянул, тот сдвинулся, под моим сидением кто-то глубоко вздохнул, там хлопнуло. Я вскочил. Поверхность бронзовой чаши внутри, между прочим, с полностью отсутствующим сливом, была девственна чиста, и, кажется, даже суха – никаких следов моих усилий. Экспериментируя, я опять потянул за шарик – никакой реакции. Сил на то, чтобы проверять работу устройства, как говорится, в боевой обстановке, больше не было, и я решил сосредоточиться на раковине.

Вид лысого мужика повторно вогнал меня в ступор, и вместо исследования заморской техники я замер, рассматривая свое отражение. Не похоже, чтобы меня брили. Выглядело так, как будто волосы просто перестали расти. Ну, по крайней мере, один плюс есть: не надо бриться.

Во входную дверь вновь постучали, по-видимому, открыли, не спрашивая моего разрешения, и женский голос на незнакомом языке произнес:

– Домагилия?

– Минуту! – отозвался я, не зная, что делать. Постоял, приходя в себя и тщетно ощупывая кран, в конце концов решил, что, по крайней мере, мне помогут помыть руки, и открыл дверь.

Незнакомая невысокая женщина с округлым лицом и прямыми черными волосами счастливо заулыбалась, как будто мое появление из местного сортира доставило ей неподдельную радость. Странно, но хотя я впервые в жизни ее видел, эмоционально я тоже ощутил радость и доверие к ней. Как если бы встретил старую добрую знакомую. Последняя весело затрепала, беззастенчиво трогая рукой мою лысую грудь. Я улыбался, сам не зная чему, и пытался понять,

на каком языке она говорит. Наконец, она прервалась, явно ожидая моего ответа. Пришлось честно признаться:

– Извините, я вас не понимаю.

Лицо женщины приобрело озабоченное выражение. Последовала новая серия вопросов, в ответ на которые я отрицательно мотал головой. Радость на лице незнакомки скомкалась – она была явно озадачена, и, воспользовавшись паузой, я потащил ее к раковине.

Женщина как-то вмиг изменилась и стала напоминать врача, серьезно и терпеливо выслушивающего что-то бормочущего больного. Сообразив, чего я добиваюсь, она обыденно и механически, явно думая о чем-то своем, подняла руку и сдвинула то, что я считал полочкой под зеркалом. Потекла вода, и я посчитал, что поиски мыла можно будет отложить на потом. Помыв руки, уже самостоятельно закрыл кран – вода, кстати, была холодная – и замер. Женщина, негромко комментируя что-то, открыла дверцу на стене, которую я совершенно не заметил, и протянула обычное полотенце. Я поблагодарил ее, вытирая руки, и попутно отметил, что ткань полотенца не имеет ничего общего с привычной мне фабричной продукцией, ставшей в двадцать первом веке одинаково узнаваемой во всем мире. Хоть бы этикетка какая-нибудь была! Это же капитализм – надо постоянно отмечать свою продукцию, а то не приведи господи спутают вас с конкурентом.

Незнакомка проводила меня к кровати, непрерывно пытаясь что-то меня спросить. В ответ я лишь разводил руками и тряс головой, глупо улыбаясь. Я по-прежнему был ей рад, хотя и не понимал почему. Я видел ее первый раз в жизни. А такое лицо я бы запомнил наверняка. Если бы меня попросили обозначить ее не то что предполагаемую национальность, а даже и расу, я бы растерялся – азиатка с характерным толстым и темным, практически черным волосом, с европеоидным узким прямым носом и большими глазами, со слабым эпикантусом, пигментация кожи выше, чем у белых, лицо уплощенное, но с выраженным подбородком. То есть непривычная мне смесь, которую я бы точно заметил.

Жестами показал, что хочу есть. Она о чем-то переспросила, потом устало махнула рукой и, развернувшись, направилась к двери. Все это время, напряженно вслушиваясь в ее речь, только в этот момент я сообразил, что слово «Илья», которое я постоянно слышал, – это мое имя, Илья. Я воскликнул от неожиданного открытия, женщина обернулась и машинально спросила:

– Что-то еще?

Я разинул рот от изумления – я ее понимал. Незнакомка, видимо, заметила что-то в моем лице.

– Что случилось?

– Да то и случилось, что я вас понимаю.

Она нахмурилась.

– Есть? Пить? – И повторила слова жестами.

Только тут сообразив, что говорю на русском, я махнул рукой в сторону кресла – садись. От напряжения заныл затылок, снова повело, как тогда, когда я только вскочил с постели, но все было тщетно. Я не мог выдавить из себя ни одного слова. Я понимал, что она говорит, но слов не помнил и сказать, соответственно, ничего не мог.

Подошедшая к креслу, но так и не опустившаяся в него незнакомка вновь заговорила:

– Ты понимаешь, что я говорю?

По-моему, спрашивала она по инерции, уже не веря в другой ответ, кроме отрицательного. Было забавно видеть, как вытянулось ее лицо, как она замерла, внезапно увидев мое энергичное кивание головой.

– Но я не понимаю, что ты говоришь! – вырвалось у нее.

Я развел руками. А потом старательно, аккуратно повторил за ней только что произнесенную фразу. Запоздало сообразил, что звучит она двусмысленно и замахал рукой, демон-

стрируя, что это не то, что я имею в виду, а всего лишь урок, простой повтор, и повторил снова. Чувствуя неправильность собственной речи, неровный строй, неправильные интонации и акцент, я морщился. Что за хрень?! Сам знаю, что говорю неправильно, а как правильно, не знаю! Я протянул руку моей хозяйке – помоги.

– Я понимаю тебя, – улыбаясь ответила та.

И я, как ученый попугай на жердочке, сидя в трусах на разобранной постели в таинственном заграничном санатории, затараторил:

– Я понимаю тебя. Я понимаю тебя. Я понимаю тебя.

3

Заговорить так и не получилось. Конечно, я быстро ухватил главное: «да», «нет», «стоять», «говори». Но в моем исполнении слова звучали чуждо и непривычно. Уверенный, что никогда раньше не знал этот язык, тем не менее я его прекрасно понимал. Более того, я чувствовал, что женщина говорит с небольшим акцентом. Не то чтобы язык был для нее не родным, скорее все выглядело так, как будто она родилась и выросла далеко от тех мест, где учил его я. Вот тут-то и была самая большая загадка.

Краткая история, бегло поведанная мне незнакомкой, которую, как я позже выяснил, звали Сурдара, окончательно выбила почву из-под моих ног.

Это не санаторий и не больница. Это мой дом. Я – Илия, я – хозяин. Хозяйка вместе с сыном и Владыкой уехали на север. Я живая легенда – человек, который сражался с какими-то скелле за жизнь Аса – моего сына. Владыку зовут Сам. Хозяйка – Ана, моя жена и тоже великая скелле. И уже заговорщическим шепотом, с оглядкой на дверь: я – эль. Самый настоящий!

После этой информации Сурдара долго испытующе смотрела в мои глаза. Пришлось соответствовать – хмуриться, делать вид, что не время и не место обсуждать такое. Удалось отбиться – не было никакого желания соглашаться с чем-либо, о чем у меня нет ни малейшего понятия.

Окольными путями выведенное «где» помогло мало.

– Как где? А-а! В поместье Владыки. Ну, к северу от Арракиса, в «соури». – Пауза, мое «где?». – Где Арракис? На Дону, где же еще?

Окончательно добила меня фраза: «Тебя спасла Хозяйка. Ана привезла тебя на яхте Владыки из-за океана. Ты очень сильно болел, а может, и не болел – кто вас, элей, знает, но теперь, похоже, скоро поправишься».

Я что, в Америке? Или в Австралии? Никак не мог вспомнить имя моей жены, но был уверен, что ее точно зовут не Анна. Пользуясь моим замешательством, Сурдара выскочила из комнаты и пару минут спустя – я все это время сидел, уставившись в темное окно, и пытался нащупать хоть какую-то связь между собственными воспоминаниями и этой безумной историей – она вернулась с миской незнакомой каши и самой настоящей деревянной ложкой.

Под потоком информации, в которой я уже даже не пытался разбираться, настолько она была мне чужда, быстро смолотил оказавшуюся необыкновенно вкусной сладковатую кашу с кусочками каких-то по виду макарон кисловатого вкуса.

Сурдара откровенно радовалась моему аппетиту и, когда я закончил, внезапно хлопнула в ладоши.

– Совсем забыла! Прости, хозяин Илия. Здесь в столе – твои вещи. Не все, конечно. Но Хозяйка сказала, что это самое ценное, что есть у тебя.

Она выдвинула уже знакомый мне ящик, и я честно кивнул, показывая, что узнал их.

– Утром принесу одежду. Вода на столе. Если что-то понадобится, просто крикни – я сплю чутко. Не переживай – буду немедленно. Теперь, если Илия не против, я бы пошла, – устало и вопросительно она смотрела на меня. – Надо выспаться.

Только тут я заметил, что моя собеседница держится из последних сил. Это я чувствовал себя выспавшимся, а для нее, похоже, была глубокая ночь. Я замахал руками, отправляя ее, уверяя всем своим видом, что со всем справлюсь – я же эль, а на самом деле торопясь избавиться от рассказчика, каждым новым словом вгонявшего меня в пучину фрустрации. И это было на самом деле так. Я хотел знать, как здесь очутился и что произошло, а вместо этого получал все новые загадки. Понемногу нарастало внутреннее напряжение и даже раздражение. Желаете еще порцию фантастического бреда? Нет, спасибо! Достаточно.

Проводя Сурдару, я выглянул за входную дверь. Интересно, но психологически я чувствовал себя как бы ограниченным в перемещении. Причина была банальна: трусы – моя единственная одежда. За дверью обнаружилась уходящая вниз и вверх шахта лестничного пролета и пара небольших боковых коридоров. Знакомые шарики-светлячки не вполне справлялись с освещением, и лестничные марши тонули в сумраке. Сурдара направилась куда-то вниз, я постоял минуту, прислушиваясь и разглядывая окружение. Все тот же стиль – много дерева, изящные, хотя и простые формы деталей отделки, довольно широкие марши лестниц. Меня ждал комод, и я вернулся.

Говоришь, это мои самые ценные вещи? Вот ими и займемся.

На единственном предмете мебели, кроме кресла, обнаружилась небольшая подставка под светящийся шарик, на которую я до того не обратил никакого внимания. Длинная бронзовая ножка бокала заканчивалась ложбинкой с лепестком, закрывавшим ее сверху, – очень удобно. Шарик, покинув женскую ладонь, уютно расположился в отведенном месте, закрытый от моих глаз бронзовой завитушкой, освещая лишь поверхность стола – получилась настоящая настольная лампа.

Итак, что тут у нас? Вот первая самая ценная вещь – картонка. Взяв ее в руки, я сразу почувствовал, что ошибался, – картонка оказалась довольно жесткой, миллиметра три толщиной, и скорее всего была сделана из какого-то пластика. Ровная, почти белая поверхность, никаких деталей или надписей, лишь аккуратный прямоугольник черного цвета в углу. Я перевернул ее, и пульс резко подскочил, руки задрожали – и не потому, что вся обратная сторона была занята солнечной панелью – я узнал ее по характерному очень темному цвету с синеватым отливом и тоненьким, едва видимым под светом чудо-шарика прожилкам токопроводящей схемы. Я едва не заорал от восторга, так как на самом краю мелким шрифтом, почти сливающимся с задником этого устройства, был напечатан QR-код, название неведомой мне компании, сакраментальное «Made in PRC» и еще цифры и буквы – вероятно, модель устройства. О том, что это такое, у меня не было ни малейшего понятия. Но вся толщина картонки намекала, что солнечная панель на заднике никак не была ее главным функционалом. Если есть электричество, то его надо немедленно использовать. Подумав это, я с аккуратной нежностью бережно положил картонку задником вверх под свет лампы. Ясно, что она не заменит могучего солнца, но, если он хотя бы пискнет, у меня будет шанс разобраться, что это.

Следующей на свет появилась небольшая карточка размером со стандартную кредитку и практически такой же толщины. Одна сторона ее оказалась идентичной по виду передней части картонки – почти белый пластик без каких-либо деталей. Зато на обороте обнаружилась куча информации. Во-первых, русский текст заглавными буквами сообщал, что у меня в руках «Сириус». Переливающаяся радугой голограммы огромная звезда в углу разбрасывала свои лучи по темному заднику, украшенному россыпью звездного неба, и, по-видимому, должна была обозначать именно его. По нижнему краю шла длинная шкала с непонятной надписью – «Рецикл». Между ними раскинулась шахматная доска из таинственных значков без подписей, среди которых, мне показалось, я узнал символ беспроводной сети, компаса и часов. Значение остальных иероглифов оставалось загадкой. И что с ним делать, с этим «Сириусом»? Чем дальше, тем все страннее и страннее. Я инженер – техника всегда привлекала мое внимание, неважно, относилась ли она к моей специальности или просто была очередной новинкой материальной культуры человечества. Но никогда раньше ничего подобного я не видел, несмотря на то, что эти «картонки» выглядели как обычные потребительские устройства – чего стоили, например, значки без подписей, намекавших на их общеизвестность.

Оставшееся содержимое ящика поставило меня в очередной тупик. Пара камешков, похожих на кварц, но идентичной треугольной формы, набор разных кристаллов, залитых чем-то похожим на смолу, – аккуратные шарики, напоминающие янтарь с запутавшимися в нем насекомыми, только более светлый, почти прозрачный, еще несколько кристаллов, аккуратно

упакованные в коробочке. Там же, в коробочке, или в маленьком ящичке, как угодно, обнаружился в отдельной ячейке и совершенно разрушенные остатки. Я попробовал на язык знакомый белый порошок – соль, соль обыкновенная, она же поваренная. Химическая формула нужна?

Вы смеетесь?! Это мое самое ценное имущество?! Жезл вообще оказался простой палкой со слабым и ненадежным зажимом на конце. Да что же это такое?!

Начала болеть голова. Не решаясь пока трогать единственную оставшуюся у меня надежду – картонку с солнечной панелью, я встал. Дико болели мышцы спины и шеи. Вероятно, долгая отключка не прошла даром и достаточно оказалось банального возбуждения, чтобы я начал разваливаться. За окном ничего не изменилось. Если бы я был в наших привычных широтах, то решил бы, что такая долгая тьма могла висеть над Москвой только зимой. Однако хлипкая конструкция в одно стекло намекала на теплый и комфортный климат этого места. Какие-нибудь тропики? Я уже готов был поверить в это после рассказа о путешествии моей тушки через океан.

Мысли мешались, я вышагивал по комнате, вертя головой и вращая руками, пытаюсь расслабить судорожно сжатые мышцы спины. В конце концов удалось сосредоточиться на языке – по крайней мере, тут была пища для размышлений, а не пустое перекачивание в голове бесконечных вопросов. Кося взглядом на картонку с солнечной батареей, загоравшую под неярким светом лампочки, – так и подмывало схватить ее и не отпускать, настолько родной она мне показалась – я обдумывал строй вполне, как оказалось, понятного мне языка. Я не лингвист, но по крайней мере один иностранный язык знаю – английский, хотя он для меня больше хобби, чем реальная необходимость. По той же причине – то, что это хобби, а не реальная нужда – я больше знал о языке, чем собственно язык. Носители, с которыми мне доводилось общаться, почти никогда не делали мне комплиментов о моей речи, безошибочно, хотя иногда и не сразу, угадывая иностранца, неизменно изумлялись количеству подробностей и загадок, которые я им сообщал об их собственном языке. Сейчас, на своем дилетантском уровне я пытаюсь понять, к какому типу относится этот язык. Некоторые фразы отдавали аналитическим строем, в других слова обрастали какими-то служебными окончаниями, префиксами. Чем-то он мне напоминал германские языки, как я их себе представлял, местами даже казался близким нам – славянским или, может быть, балтским. Но вы видели лицо этой женщины? Мне трудно допустить, что она была хоть как-то связана с Европой, разве что Сурдара – потомок каких-нибудь эмигрантов или метис, как часть населения центральной Америки, например. Это, кстати, объяснило бы и ее странный облик, действительно напомнивший мне индейцев. И тут рассказ о путешествии через океан встал, как кусочек пазла, на свое законное место – точно, я где-то в латинской Америке!

Сразу же стало легче. Даже спина, похоже, расслабилась. Уверенными движениями человека, вновь обретшего точку опоры, я подошел к столу и поднял картонку. Глаза полезли на лоб – на обратной стороне того, что первоначально я принял за какую-то канцелярскую приблуду, висел аккуратно прорисованный синий значок аккумулятора с крохотным красным треугольничком на дне и цифрами – 1%. Это – планшет! Но, боже! Я не мог не слышать о подобном экране! Что-то похожее на электронную бумагу, только цветное. Конечно, я уже видел обзоры устройств с цветной бумагой в сети. Но те блеклые и безумно дорогие образцы ни шли ни в какое сравнение с этим великолепием! Аккумулятор выглядел просто напечатанным типографской краской на бумаге. А я отлично помнил, что, как теперь стало ясно – экран до того был девственно чист. Перевернув планшет, я попытался прочесть наименование китайского бренда – набор согласных, перемежаемый редкими «i» и «j». Как это читается – бог его знает!

Я поводил пальцем по значку аккумулятора, и пониже его нарисовался аккуратный крестик. Ткнул, экран мигнул, и я с радостью прочел на простом и понятном, великом и могучем,

что «Аккумулятор разряжен, для продолжения работы немедленно зарядите батарею», после чего экран мигнул еще раз, и всякое изображение пропало.

Есть! Я вернулся! Осталось дождаться, когда устройство зарядится и я обрету все, что мне надо, – где я нахожусь, связь, любую информацию!

Руки тряслись. Подсунув устройство под свет лампочки, я проверил, не появилась ли картинка аккумулятора на экране, – нет. Ну, ничего! Теперь осталось набраться терпения. Рано или поздно я получу все, что мне надо. Терпение, Илья, терпение! Но каков же девайс?! Не более трех миллиметров толщиной, с автономным питанием и фантастическим экраном! Быть может, моя отключка продолжалась дольше, чем я думаю? И за эти, может быть, недели или даже месяц никому не известный китайский производитель создал шедевр? Я возбудился от вида нового устройства посильнее, чем когда обнаружил себя лысым и голым неизвестно где.

В голове некоторое время крутились абсолютно неуместные фантазии о вариантах устройств, которые можно будет создать на основе такой технологии. Постепенно я успокоился и, как говорится, вернулся к реальности. Пока планшет заряжается, надо бы чем-то заняться. Несмотря на то, что на мне только трусы, чувствовал себя я вполне комфортно, лишь немного беспокоило постоянное ощущение странного сквозняка, который к тому же немного сместился и дул почти из-под пола. Ладно, Сурдара сказала, я хозяин. В таком случае может хозяин позволить себе каприз и выйти покурить наружу в трусах? Не знаю, как тут у них, но ночь в любом случае должна быть на моей стороне – прикроет, если что. Гораздо больше меня смущало то, что я был бос.

За дверью ничего не изменилось – сумрачно и тихо. Ступени были покрыты ковром, и я спускался бесшумно, как привидение. Площадка этажом ниже, показалось, выглядела попроще. Исчез ковер на ступеньках, интерьер по стилю не изменился, но стал как будто более прямолинейный, более функциональный: вместо изящных лепестков, на которых лежали знакомые шарики света, – простенькие плоски, вместо сложных составных балясин – скучные прямоугольные планки. Еще пролет, и я оказался у большой двери. Аккуратно потянул за нее. Освещенный тусклым желтым светом огромный двор прятался за массивными створками. Тихо и пусто. Пользуясь этим, я вышел наружу.

Последний раз, когда я был на улице, шел дождь, стояла темная и промозглая поздняя осень. По моим личным часам прошло всего ничего, а снаружи царил другой мир. Тепло, легкий ветерок, несущий непривычный запах и ощущение близости большой воды. Огромный двор, окруженный со всех сторон галереей, за ограждением которой прятались многочисленные двери и окна. По углам – большие массивные башни, верхние этажи которых украшены просторными окнами. Похоже, что все строения, включая башни и галереи, покрыты черепицей. Вдали через двор – большая арка, ведущая куда-то в темноту.

Я сделал несколько шагов вперед. Двор был покрыт большими квадратными плитами с плохо различимым в тусклом свете узором. Источником света служили четыре столба с крупными светящимися шарами, которые, на мой взгляд, не справлялись с обширным пространством, едва обозначая странную фигуру в середине – темный силуэт то ли сарая, то ли большого ящика на ножках. Наплевав на тусклый свет фонарей, ярко светили многочисленные звезды. Я засмотрелся – давно не видел такого ясного и такого звездного неба. Куда-то затерялась Большая Медведица, но кто его знает, как оно тут, за океаном. Может, я вообще ниже экватора – в другом полушарии.

Погуляв по двору, ничего интересного не обнаружил, обычный хозяйственный скарб, вроде каких-то корзин, метел, лопат и прочей утвари. Правда, появилось ощущение, что я в какой-то лютой глубинке, настолько предметы повседневной жизни – довольно грубые, едва ли не самодельные – противоречили передовому планшету, валявшемуся в моей комнате, или вот этим, например, странным лампочкам, светившимся без всякого видимого подключения к сети. Абсолютно непонятная ситуация! Как если бы меня похитил какой-нибудь наркобарон

с приветом – вот понадобился ему русский инженер для опытов – и увез в глубинку какой-нибудь Колумбии, на ферму своего дедушки, где даже нормального электричества нет.

Глупая фантазия отчаявшегося сознания неожиданно нашла странное подтверждение – приблизившись, я обнаружил, что посреди двора покоится не что-нибудь, а самодельно слепленный, как говорится, из говна и палок, очень грубый корпус то ли вертолета, то ли самолета. Скорее вертолета. Кабина вертолетного типа с коротким хвостом и большим открытым дверным проемом, при этом никакого намека на двигатель или несущий винт. С другой стороны, крыльев тоже нет, как и места для их крепления. В темноте невозможно разглядеть внутренности, но, похоже, там было пусто. Остекление отсутствовало, и кто-то аккуратно прикрыл окна этого недоразумения брезентом.

Ну точно! Колумбийская мафия ищет инженера, который достроит сей пепелац до летательного состояния, чтобы переправлять доверчивым американским гражданам дары благодатной природы. Строят же они подводные лодки в самом деле.

Немного смущало лишь то, что самолеты совершенно не моя специальность. Я, конечно, инженер и теоретически могу построить все что угодно, однако простые соображения целесообразности и разумности требовали воровать не всех подряд, а предварительно хотя бы наведя справки.

Меня совершенно не смущал идиотизм нелепых фантазий. Они, по крайней мере, давали какую-то точку опоры, позволяли окончательно не сойти с ума. Я готов был поверить чему угодно, лишь бы там присутствовали минимальные признаки логики.

Интересно вот еще что: все мои воспоминания были немного смазанные, как будто они – давно прошедшие дни, и этому полностью соответствовали эмоции. Я был совершенно равнодушен к тому факту, что завтра точно прогуляю работу, меня мало волновало имя жены, которое я почему-то даже и не пытался вспоминать. Одновременно я искренне радовался Сурдаре, хотя видел ее впервые в жизни, и совсем не удивлялся такой долгой ночной тьме, как будто уже привык к ней. Когда женщина принесла мне кашу, я обрадовался незнакомой мазне, как будто чувствовал, что она мне понравится, и мне было наплевать на то, что меня, возможно, похитили. Сейчас, стоя рядом с бескрылым уродцем, я почему-то испытывал чувство жалости, такое острое, что его невозможно было объяснить ничем из того, что я знал.

В длинном ряду нелепостей нет-нет да и всплывал странный сквозняк, который, стоило мне о нем подумать, обнаруживался тут как тут. Вот и сейчас, стоя в полутьме рядом с уродливой заготовкой летательного аппарата, я отчетливо ощущал слабую прохладу, идущую откуда-то из-под земли. Причем она еще более сместилась, как будто сквозняк медленно вращался под моими ногами.

– Ты кто такой? – негромкий, но жесткий мужской голос раздался за спиной.

От неожиданности я вздрогнул и обернулся – немного в отдалении стоял незнакомый мужчина в возрасте с характерными чертами лица. «Очередной индеец», – подумал я. Убежденность, что я в Центральной Америке, если не в Южной, еще более укрепилась.

– Глухой? Или говорить разучился? – угрожающе спросил он.

Мужчина медленно двинулся ко мне. По характерным повадкам сразу же определялся всечеловеческий типаж незнакомца – охранник. Я и рад был бы ему ответить, но из головы вылетел даже тот скудный набор слов, который я почерпнул из общения с Сурдарой. Я в растерянности развел руки и брякнул по-русски первое, что пришло в голову:

– Здравствуйте. Извините, я тут не местный.

– Чего-о? – явно не понял меня незнакомец, остановился, потянув из-за пояса что-то длинное, и с угрозой добавил: – Ну-ка, два шага вперед.

Пришлось подчиниться. Однако эффект оказался совершенно неожиданным и таким же нелепым, как и большинство из того, что я тут видел после пробуждения. Едва я появился в пятне света от ближайшего светильника, лицо охранника дернулось и исказилось в резкой

grimase. Я даже не сразу сообразил, что он банально страшно испугался. Охранник выронил предмет – недлинную дубинку, попятился и склонился, опустив голову и прижав руки к груди.

– Прости, хозяин. Виноват – в темноте не разглядел.

Я нахмурился. Взбаламученное его реакцией на мою скромную персону сознание готово было вывалить груду вопросов, но языковой барьер вгонял меня в оцепенение. Это чудовищно – понимаешь все, а сказать ничего не можешь. Я поморщился от досады, чем, по-видимому, окончательно добил незнакомца. Тот сжался, как будто стоял под стволом пистолета со взведенным курком.

– Позволь мне идти, хозяин.

– Какой я тебе, на хрен, хозяин? – не сдержавшись, я ответил по-русски.

Фраза на очевидно непонятном для него языке нисколько, похоже, его не удивила. Вероятно, он почувствовал, что убивать его я не собираюсь, радостно кивнул, торопливо подобрал выроненную дубинку и, пятясь как рак, боком двинулся прочь. Я невольно заметил, что, несмотря на очевидный испуг, он движется легко и бесшумно – несколько мгновений, и он буквально испарился из вида, запутавшись в тенях галерей.

Было ясно как дважды два, что он знал меня. Более того, этот явно выдавший виды боец знал обо мне что-то, что пугало его до смерти. Мозг отказывался принимать новую информацию. Он словно чувствовал, что в комнате наверху меня еще ждет планшет, и пытался сохранить остатки рассудка до того, как привычная техника расставит все по своим местам.

Заснул я совершенно измотанный, когда новый день уже властвовал над именем семьи Ур. Приходила несколько раз Сурдара, приносила завтрак, учила меня словам. Точнее, я сам учился, старательно записывая то, что слышал. Кстати, ее имя было Дара. Сур – особый префикс, который чем-то напоминал нашу фамилию, но, по сути, свидетельствовал об особых отношениях носителя с семьей Ур.

Планшет оказался грандиозной подставой. В нем была такая огромная куча информации, что переварить ее за раз оказалось совершенно невозможно, и потому действовал я системно – не обращая внимания на все остальное, искал для начала ответы на самые общие вопросы: где нахожусь и какой сейчас день? Однако даже они сразу же выбили из-под моих ног ту хлипкую опору, которую я сам себе придумал. Моя гипотеза про Америку рухнула, оставив после себя зияющую дыру.

Для начала дата – 2034 год, декабрь. Ну, допустим, что из-за длительного разряда встроенная батарейка сдохла и часы планшета живут собственной жизнью. Тем более, что, как выяснилось, отсутствовали не только любые сети связи, но и не обнаруживались никакие спутники – ни наши, ни штатовские, ни китайские или европейские. Предположив, что по какой-то причине накрылась антенна спутникового позиционирования, я из чистого любопытства полез в настройки сего шедевра, чтобы получить информацию о нем самом – уж очень впечатлило меня это устройство. И здесь меня ждало нечто! В разделе «Об устройстве» было четко и без двусмысленностей заявлено: дата производства – 3 мая 2032 года!

Бред! Если допустить, что это правда, то мне должно уже быть под полтинник, а это прямо противоречило тому, что я видел в зеркале. Несмотря на немного пугающие изменения с моей внешностью – полное отсутствие волос, я выглядел даже лучше, чем вчера. То есть в том вчера, которое я помнил. Может быть, немного заострились черты, но это только сбрасывало пару лет с моего видимого возраста, и уж точно, такая уйма времени никак не могла пройти бесследно – разве что я все эти годы провел в анабиозе.

Попытка выяснить место, где я оказался, привела и вовсе к фантастическим результатам. На главном экране планшета было закреплено несколько приложений, которые, вероятно, наиболее часто использовались их владельцем – себя я им не считал, несмотря на все уверения Дары, что это мои личные вещи. Среди них «Карты» было первым и самым почетным. Я выдохнул и обрадовался, когда оно благополучно запустилось, отобразив на экране спут-

никовый снимок Земли. Чем-то оно напоминало старое гугловское приложение, хотя и было явно отечественного происхождения. К сожалению, из-за отсутствия связи и спутников никакой подробной информации, кроме бесполезного общего вида нашей планеты, получить было невозможно. Я даже закрыл его поначалу, но через некоторое время вернулся, запутавшись в многочисленных фотографиях и рукописных заметках. Покрутив так и сяк бесполезный глобус, я ткнул, ни на что не надеясь, в закладку «Свои карты» и надолго подвис, совершенно ошарашенный увиденным.

Владелец планшета, кто бы он ни был, использовал для создания своих карт собственную модель глобуса. Новый был гораздо меньше привычного земного, и вместо слоя спутниковых фотографий на нем использовались немного искаженные неуклюжей трансформацией фотографии какого-то помещения, похоже, мозаичного купола. Позже я нашел оригиналы этих снимков в отдельной папке вместе с фотографиями какой-то красивой темнокожей девушки и молодого растерянного парня в странной одежде. На снимках, похоже, был потолок обширного зала, украшенный этой самой картой. Нечего и говорить, что она не имела ничего общего с Землей. Следующим слоем на непонятном глобусе были нанесены многочисленные отметки, похожие на путевые точки. Кто бы их ни сделал, он изрядно попутешествовал, не только побывав на востоке, западе и даже юге основного материка, но и слетав за океан. Каждая точка сопровождалась указанием времени, магнитного азимута и еще какими-то неясными цифрами. На слое выше создатель глобуса поместил свои чертежи, исправлявшие базовую карту, собранную из фотографий. Материк за океаном на этом слое отсутствовал полностью, как и какие-либо отметки того места, куда путешествовал автор этой модели. Внимательно разглядывая его творчество, я заметил, что поездка за океан по отметкам времени заняла чуть меньше двух суток. Интересно! Такая скорость перемещения была возможна только при использовании воздушного транспорта.

Сначала я воспринял эту карту как детские фантазии. Помнится, я и сам в далеком уже детстве любил рисовать неведомые острова, подводные лодки и звездолеты. Однако по мере того, как я все более подробно изучал эту шарату, мною овладевало ощущение совершенно недетского объема работы и вычислений, проведенных этим фантазером. Было такое чувство, как если бы он пытался привязать фантастический чертеж к реальной местности, постоянно замеряя во время своих перемещений несколько параметров: время по часам планшета, времена восхода и заката на точке, магнитный азимут, еще какие-то цифры, похоже, относящиеся к дальности перелета или чего-то подобного. Кроме того, последние по времени отметки всегда сопровождалась еще какими-то непонятными углами. И самое странное, во мне росло чувство гордости и удовольствия, как будто эта карта была моим личным достижением. Как всегда после пробуждения местные объекты вызвали во мне эмоции, ничем не подтвержденные в моей памяти.

Постучав, в дверь зашла Дара, как я предпочел ее называть, тем более она нисколько не возражала, и даже, как мне показалось, гордилась этим. Она принесла свежую воду в стеклянной посуде странной формы – пузатый горшок для цветов с крышкой. Погруженный в карту, я какое-то время молча таращился на нее. Она уже собиралась вновь исчезнуть, когда, осененный внезапной догадкой, я прочитал ей название, стоявшее на карте в той части, где ее владелец, похоже, частенько бывал:

– Дара, Арракис?

– Арракис? Чего Арракис? Ты уже спрашивал. На юг отсюда – недалеко. На яхте Владыки за день можно дойти. Хотя обычно он останавливается в Азуре на ночь. Чего-то еще?

– Дон?

– Я тебя не понимаю, Илия. Дон – река. На ней Арракис и стоит. Я все это тебе уже говорила! Ты, хозяин, я смотрю, в себя еще до конца не пришел. Послушай, прошу тебя – мне Хозяйка велела присматривать за тобой. – Она вопросительно уставилась в мое лицо.

Я кивнул.

– Ты, это твое дело, конечно, но, по возможности, не общайся пока с Сурами. Хорошо? – Видя, что я непонимающе нахмурился, торопливо добавила: – Суртах, отоспавшись, заявился в паб и теперь сидит там, важный, как господин, и всем желающим за порцию пастилы рассказывает, как повстречался в ночной тьме с хозяином Илией и как тот чуть не сжег его, но потом, видимо, решил, что такой хороший охранник – большая редкость. Даже похвалил, сказал: «Благодарю за службу». Нажрался уже до невменяемого состояния. Вокруг него десяток бездельников собрались – обсуждают, что теперь будет и как дальше жить.

Хотелось сказать, что никого я не хвалил, но тут я внезапно сообразил, что мое русское «Какой я тебе хозяин?» звучит на местном, хоть и отдаленно, но вполне похоже на это «Благодарю за службу». Я засмеялся и замотал головой. Не знаю, как это восприняла Дара, но общий смысл ее удовлетворил: хозяин не возражает, он доволен.

Я же, напротив, переживал настоящую ломку. Едва исчезла моя нянька, как я обратился к единственному, что, похоже, как-то соединяло меня сегодняшнего и вчерашнего – к эмоциям. Я в другом мире, возможно, на другой планете – никакого шока, никакого удивления. Точнее, новый я пытался удивиться, но как-то искусственно, как будто притворялся, как будто знал, но не хотел признаваться. Почти целый час я просидел, бездумно ковыряясь в собственном планшете, и, когда окончательно сжег оставшийся запас нервной энергии, принял если не новую реальность, то, по крайней мере, новую гипотезу – я действительно не дома. Я на другой планете. Очевидно, я здесь уже долго. Со мной что-то случилось, я во что-то вляпался и героически пострадал – потерял волосы и память. Все! Спать.

4

С высокого обрыва океан казался самым миром – гигантским синим столом, по которому ползали редкие мелкие черточки судов. С жаркими лучами местного светила сражался резкий морской ветер, несущий прохладу и пятнающий синеву моря частыми белыми барашками. Одна из черточек развернулась и ползла, безжалостно давя эти барашки, к берегу, точнее, изломанному как неглубокий фьорд заливу, служившему имению Уров морской гаванью. Уже можно было разглядеть длинный узкий корпус с одинокой надстройкой, сдвинутой на нем далеко вперед – на нос.

Прошло десять дней с того момента, как я очнулся. Я по-прежнему ничего не помнил, но уже многое знал. Планшет был тщательно изучен, все обитатели усадьбы, видевшие меня раньше, а таких немало, опрошены. Когда мне показали оплавленный кратер, оставшийся во дворе после того, как меня пыталась сжечь собственная супруга, о чем мне охотно насплетничали в благодарные уши дворовые люди, я с огромным вниманием отнесся к местной особенности – магии. Почти все время теперь я тратил на восстановление утраченных знаний и умений, используя как собственные заметки в планшете, так и постоянно экспериментируя.

Если верить моим собственным записям, источником магии на планете была настоящая черная дыра, висевшая где-то неподалеку от этой системы. Поток материи от этого объекта, точнее, той материи, которой посчастливилось его миновать, достигал Мау, искажая устойчивое равновесие. Как это ни удивительно, но местные прекрасно знали об этом. Более того, до того, как их настигла чудовищная катастрофа, навсегда изменившая развитие местной цивилизации, они успели разработать вполне рациональное объяснение местным чудесам. Древние – так они звали своих предков, считали эту теорию «новой физикой». Я долго пытался вникнуть в запись путаных объяснений по этой теме незнакомого молодого парня по имени Виутих, сохранившуюся на планшете. Но в результате отложил задачу до лучших времен – жизнь обрушилась на меня потоком более насущных и приземленных загадок, которые, в отличие от наследия далеких предков, долго ждать не могли.

Все, что я успел усвоить из этой теории, – это то, что материя, которая нас окружает, лишь отражение в нашем сознании череды случайных событий, порождаемых взаимодействием простейших элементов. Те из них, которым посчастливилось избежать поглощения уникальным звездным объектом, искажали вероятности формирования событий. Это напомнило мне, как в минувшие времена игроки в залах игровых автоматов внимательно следили за теми машинами, которые очень долго ничего не выигрывали. Считалось, что вероятность выпадения нужного события на них нарастала со временем. И хотя на самом деле изменялась вероятность только сложного составного события, они умудрялись тем не менее извлекать из этого иллюзорную выгоду.

Ветер и солнце, сверкающий океан и маленькое целеустремленное судно. Уже можно было разглядеть фигурки каких-то людей, вероятно матросов, лениво двигавшихся по палубе. Наверное, это была стремительная яхта и ее владельцы гордились своим судном, но отсюда, с обрыва, сцена выглядела почти неподвижной, и если бы не пенный след за кормой и периодически взлетающие из-под носа яхты искрящиеся на солнце султаны воды, то можно было решить, что маленькое суденышко зависло на месте.

Источник моего собственного дара, если это можно так назвать, носил принципиально иной характер. Если верить тому, что нафантазировал забытый я, взаимодействие биологической материи и потока от черной дыры основывалось на механизме работы клеток нервной ткани – нейронов. На базовом уровне они занимались очень простой работой – накапливали энергию для передачи электромагнитного импульса, сортируя ионы разных веществ по разные стороны своей мембраны. По внешним или внутренним причинам эта энергия перио-

дически сбрасывалась, для чего клетки открывали особые каналы, через которые, благодаря накопленной разности концентраций, устремлялся поток ионов. Для мозга это выглядело как испускание периодического импульса каждой клеткой с регулируемой частотой или по особому запросу. Но на атомном уровне ионы, например калия, ничего не знали о том, что за открывшимся рядом с ними каналом дефицит их собратьев. Их движение полностью определялось неумолимой логикой вероятностей. Черт его знает почему, но присутствие материи черной дыры приводило к искажению предсказуемой картины, и в конечном счете нейрон запаздывал с ожидаемым ответом или, наоборот, срабатывал раньше времени. Для высшего уровня сознания это имело видимые последствия. Я, например, ощущал местную магию тактильно – чувствовал ее шевеление, или дуновение самого Источника – черной дыры, притаившейся где-то над южным полушарием планеты. Это и был тот самый сквозняк, который меня озадачил после пробуждения.

Я повертел головой – кажущийся бесконечным обрыв, отделявший материк от океана, пустошь, как будто поросшая редкой серой шерстью, далекая темная полоса леса за спиной и просторно раскинувшиеся строения поместья семьи местных аристократов. Пейзаж совсем не казался инопланетным. Я был уверен, что-то похожее можно легко найти на Земле. Впрочем, возможно, опять вмешались эмоции – единственное, что соединяло меня с моей памятью. Судя по всему, я провел здесь не один год – привык.

Мое отличие от местных состояло в том, что основная часть моего организма состояла из вещества, которое я принес с собой с Земли. А значит, она не содержала в себе материи Источника. Все вероятностные процессы были однородны и предсказуемы – я был слеп и глух к магии, как и большинство женщин, и почти все мужчины здесь, на Мау – так называли они свой мир. Вещество, из которого состояли их тела, напротив, все местного происхождения. Но так как и оно было однородно, без примеси земного, то влияния Источника они, как и я, не замечали. Со временем, чем больше я здесь жил, чем больше ел и пил, можно сказать – потреблял тем или иным способом вещество, отмеченное необычной близостью, тем больше в моем организме накапливалась разница между земным и местным. В конце концов, она стала настолько существенной, что отразилась на работе нервной системы, исказив стандартные процессы, и я стал чувствовать то, что раньше мог наблюдать только через приборы или приспособления.

Еще позже, видимо, градиент достиг такой величины, что, уже совершенно непонятным для меня образом, я смог взаимодействовать с этим потоком – правда, не непосредственно. Мозг реагировал на искусство скелле – так называли местных носителей магии – или на поток, измененный движущимися в нем кристаллами. Скорее всего, и то и другое было принципиально одинаково – мозг скелле играл роль своего рода кристаллической решетки. Я же реагировал на тени, которые порождали подвижные кристаллы, обдуваемые воображаемым ветром. Непосредственное искусство, которым владели немногочисленные избранные женщины на планете, по-прежнему было мне недоступно. И кто его знает почему – то ли оттого, что я мужчина, то ли из-за моего земного происхождения.

Все эти мысли не случайно теснились сейчас в голове: приближавшееся судно принадлежало Ордену скелле – могущественной организации, объединявшей всех без исключения магов планеты. Исключения либо гибли сами без должной дрессуры и воспитания, либо их безжалостно уничтожали члены Ордена. Обитатели имения не смогли сообщить мне ничего существенного о недавних событиях, но одно они знали точно: причина, из-за которой я потерял память и волосы, – Орден. В отсутствие главной скелле семьи, до сих пор виденной мною лишь на фотографиях, – моей супруги – визит яхты Ордена не предвещал ничего хорошего. Суры, правда, по в очередной раз неясным причинам были уверены, что я с легкостью справлюсь. Если уж я чего-то такое учудил! Жаль только, что никто из них не был в курсе того, чем же я так отличился.

Стоявший рядом Сурхил, начальник охраны поместья, мрачно процедил:

– Кто-то ведь стукнул.
– Ты о чем? – я уже настолько освоился, что мог поддержать несложный разговор.
– Ясно, что им сообщили: ты проснулся. И Хозяйки нет, как назло! По твою душу, Илия.
– Если им сообщили, то Ане тоже должны были?
– Сразу же. Не сомневайся. Но только без твоего этого сарайчика она вернуться так быстро не сможет. – Сурхил покосился настороженно и на всякий случай добавил: – Извини, хозяин, никак не выучу, как эта штука летучая называется.

– Не за что. Называй ее самолетом.

– Ага. Вот я и говорю, настучал кто-то. Как бы подловить козла, – вернулся он к своему.

Если верить моим записям, аборигены попали сюда с Земли где-то в мезолите. С собой они принесли то, что было жизненно необходимо для них в то время – в основном домашний скот. На планете прекрасно прижились козы, овцы, коровы, свиньи, которые, правда, сильно отличались обликом от привычных мне. Здесь не знали домашней птицы, как и птиц вообще, у местных не было собак или кошек или были, но не выжили. Все это мне вспомнилось, когда Сурхил выругался в адрес неизвестного стукача. По понятным причинам, здесь не было ругательств, которые каким-либо образом затрагивали женщин. Ну разве что межпланетное «дура» присутствовало. Самые страшные оскорбления были связаны с наименованиями различных видов домашней скотины. «Козел», что удивительно для культуры, отделенной от Земли тысячелетиями, полностью соответствовал.

Местная биосфера оказалась удивительно приветливой к пришельцам, одарив их многочисленными неизвестными Земле благами и почти ничего не взяв в ответ. Вообще, уровень развития жизни на этой планете примерно соответствовал тем земным эпохам, когда жизнь впервые выбралась и закрепилась на суше. Существа, которые могли самостоятельно передвигаться, обитали исключительно в воде. Суша же, как говорится, почти по макушку, заросла неподвижной живой формой, отдаленным аналогом которой можно было назвать грибы. Плоская макушка обрыва, на котором мы стояли, была покрыта сероватыми кустиками, напоминавшими высушенные ветки кораллов. Из планшета я уже знал, что они все – единый организм. Точнее, все эти кустики – возвышающиеся над поверхностью грунта плодовые тела одного гигантского организма, обитающего под почвой. По совместительству, все эти отростки, от крохотных синих червячков до гигантских лесов черного цвета, занимались, вероятно, какой-то формой фотосинтеза, что однозначно все же отличало их от грибов.

Между тем судно уже миновало створ изогнутого залива. Еще немного, и скроется под скалой. Можно, конечно, прогуляться до береговой беседки, или ротонды, – оттуда виден причал, но Сурхил заявил, что это не по чину. Мне плевать на чины, но темнокожий пожилой индеец – у него была примесь древней крови – соорудил такую физиономию, что я решил не травмировать его нежную психику и дожидаться гостей в имении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.